

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Вэй Синьи

**Проблема нравственного самосовершенствования
в поэзии Н.А. Некрасова**

Специальность 5.9.1– Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2023

Диссертация выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Макеев Михаил Сергеевич**
доктор филологических наук, доцент,

Официальные оппоненты: **Пенская Елена Наумовна**
*доктор филологических наук, профессор,
профессор Школы филологии
факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»*

Зыкова Галина Владимировна
*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории
новейшей русской литературы и
современного литературного процесса
филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова*

Шпилевая Галина Александровна
*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории,
истории и методики преподавания
русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
педагогический университет»*

Защита диссертации состоится «19» октября 2023 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ. 059.2 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 51, стр. 51 1-й учебный корпус МГУ, филологический факультет.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.2/2630>

Автореферат разослан «__» _____ 20__ г .

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема аксиологии некрасовской поэзии, системы ценностей, лежащей в ее основе, является одной из наиболее важных в современных исследованиях. Для последних десятилетий характерно стремление к пересмотру устоявшихся представлений о Некрасове как исключительно о «демократе», «революционном поэте», поставившем свою поэзию на службу борьбе за «светлое будущее» народа. В публикациях, посвященных недавно завершившемуся некрасовскому юбилею, показано, что такие представления по-настоящему вредны, становятся серьезным препятствием даже в такой, казалось бы, вполне идеологически нейтральной области, как текстология Некрасова¹. Это обуславливает **актуальность** данного исследования.

Общая слабая **разработанность** данной темы порождает две основных тенденции в переосмыслении некрасовской аксиологии. Во-первых, начинает играть важную роль представление о том, что Некрасов был в первую очередь «литературным предпринимателем», не имевшим устойчивой системы ценностей. Образцом такого исследования стала работа М.С. Макеева «Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель», во многом определившая современный взгляд на поэта.

Вторая тенденция возникла в недрах того, что условно можно назвать «религиозным литературоведением»². Главным представителем этого направления в некрасоведении является В.И. Мельник, в многочисленных работах стремящийся «выявить» в стихотворениях и поэмах Некрасова и религиозную христианскую символику, и христианскую ценностную картину мира и бытия в нем человека, христианскую аксиологию³.

¹ *Макеев М.С.* Некрасовская текстология в XXI веке: проблемы нового научного издания стихотворений Н.А. Некрасова в серии «Новая библиотека поэта» // Русская литература. 2021. №4.

² *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М., 2004; *Дунаев М.М.* Преступление перед будущим. М., 2006.

³ *Мельник В.И.* Поэзия Н. Некрасова в свете христианского идеала. М., 2007.

И тот и другой подход представляются или неверным, или упрощающим. В нашей работе мы исходим из понимания Некрасова и как поэта, не воспитанного, не сформировавшегося в духе христианской морали и как поэта, действительно в некотором отношении чуткого к запросам «рынка». Ни то ни другое, однако, не мешало ему быть художником ценностно ориентированным, поэтом, для которого наличие безусловных нравственных истин и императивов, подвергающихся угрозе в современной жизни человека, является важнейшим творческим импульсом.

Его нравственные принципы имеют своим истоком концепции, с одной стороны, восходящие к идеям Просвещения (в наиболее радикальном, революционном изводе, восходящим к фигурам предводителей Конвента), с другой – к некоторым идеям и концепциям немецкой классической философии (в первую очередь работам Шеллинга, Фихте и Гегеля). И те, и другие были восприняты Некрасовым через круг либералов-западников 1840-х годов, в первую очередь, благодаря общению с одним из лидеров этой группы В.Г. Белинским и настоящему «ученичеству» у него.

Влияние Белинского на Некрасова не раз подчеркивалось в советском литературоведении (см. работы Чуковского⁴, Архипова⁵, Евгеньева-Максимова⁶ и проч.). Проблема, однако, заключается в том, что и самого Белинского советское литературоведение сводило к «революционному» «неистовому Виссариону». Упрощенный Некрасов таким образом возводился к упрощенному Белинскому. В настоящем исследовании мы стремимся показать, что и система взглядов, и присущая ей аксиология, унаследованная Некрасовым, сложна и богата, а размышления над ней порождают не только «революционную поэзию», смысл которой сводится к набору лозунгов, но сложную насыщенную поэтическую рефлексию над важнейшими аксиологическими проблемами.

⁴ Чуковский К.И. Мастерство Некрасова. М., 1955.

⁵ Архипов В.А. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н.А. Некрасова. М., 1973.

⁶ Евгеньев-Максимов В.Е. Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. Л., 1947.

Объектом изучения в данной работе, таким образом, становится поэтическое творчество Некрасова. Центральным **предметом** изучения выбирается понятие нравственного самосовершенствования. Выбор именно его обусловлен, во-первых, важным местом этого концепта в любой моральной системе, местом, которое до некоторой степени можно назвать центральным, определяющим для всей системы. Во-вторых, идея нравственного самосовершенствования является едва ли не самым подходящим «ключом» к пониманию некрасовской аксиологии, аксиологии, проявляющейся в форме сильной лирической или лиро-эпической поэзии.

Целью нашей работы является установление содержания понятия нравственного самосовершенствования человека в поэзии Некрасова, описание путей, которым должен идти этот процесс, определение места этой проблематики в системе нравственных ценностей, лежащей в основе художественного мышления поэта.

Для достижения этой цели предполагается выполнить следующие **задачи**: проанализировать стихотворные произведения Некрасова разного времени и разных жанров, в которых появляется и изображается процесс нравственного самосовершенствования, рассмотреть психологический и интеллектуальный комплекс, связанный с этой идеей, рассмотреть нравственные основания и цели, к которым ведет самосовершенствование в поэзии Некрасова.

Материалом для исследования является вся поэзия Некрасова кроме произведений, входящих в сборник «Мечты и звуки» (и написанных в его духе, как, например «День рождения»), и текстов, написанных по заказу («Юности Ломоносова», «Феди и Володи» и им подобных). Тексты первого и второго типов могут привлекаться только для сопоставления, позволяющего выявить серьезность поставленных в «настоящих» произведениях нравственных проблем. Мы осознаем, что граница между ранним фельетонным (коммерческим) и зрелым творчеством в случае Некрасова достаточно подвижна и неопределенна (что отражено, например, в структуре последнего Полного собрания сочинений Некрасова, в котором в раздел приложений,

предназначенный для «несерьезных» текстов, попали такие произведения, как «Чиновник» или «Говорун», самим Некрасовым все-таки включавшиеся в собрания своих стихотворений). Такие произведения, которые относятся к «переходным», поэтому также будут находиться в поле нашего зрения.

Под «всей некрасовской поэзией» понимается то, что в работе не делается никакого временного и жанрового ограничения для отбора текстов для анализа. Для разбора выбираются наиболее репрезентативные тексты, наиболее характерные для иллюстрации того или иного решения проблемы нравственного самосовершенствования, волновавшей Некрасова. Менее репрезентативные тексты упоминаются более бегло. К анализу привлекаются в качестве вспомогательного средства также нехудожественные тексты Некрасова – письма, автобиографические записи, фрагменты из дневников.

Для целей данного исследования малое значение имеет жанровый принцип классификации текстов. Разделение некрасовских произведений на лирические стихотворения и поэмы всегда вызывало затруднения у исследователей и публикаторов. В основе этого затруднения лежит размытость, нечеткость границ между эпическим и лирическим началами в художественном сознании Некрасова. Эту размытость границ мы вслед за А.М. Березкиным⁷ и Н.Н. Пайковым⁸ считаем необходимым осмыслять как принципиальную фундаментальную черту художественного мира Некрасова. Поэтому, обращая внимание на отличия героя того или иного произведения от лирического героя Некрасова, от самого автора, мы, однако, будем исходить из способности поэта выражать через слова и поступки вымышленного или реального, «объективно» изображенного персонажа близкие (или, наоборот, далекие, враждебные) ему самому нравственные принципы.

Существенно более важным для данного исследования представляется другой принцип деления некрасовской поэзии, который можно назвать

⁷ *Березкин А.М.* Семантика компоновки: авторские построения поэтических сборников Некрасова // Некрасовский сборник [Вып.] XIV. СПб., 2008.

⁸ *Пайков Н.Н.* Творческая личность, самосознание художника и творческая индивидуальность Н.А. Некрасова. М., 2022.

тематическим. В аспекте нашей работы необходимо разделить стихотворения и поэмы, в которых на первом плане образ человека круга самого Некрасова – представителя образованного сословия, и стихотворения, где описывается нравственный и духовный мир крестьянина, человека из народа. Изначальной гипотезой не может не быть в данном случае представление о фундаментальном различии реконструируемых в этих случаях этических систем, а представление об их единстве или гомологии может стать только результатом подробной аргументации, развиваемой в диссертации.

Все тексты цитируются по Полному собранию сочинений и писем в 15 томах (Л., - СПб., 1981-2000) с указанием в скобках номера тома, книги (если том делится на две книги) и страницы.

В своей **методологии** мы опираемся на несколько фундаментальных работ, посвященных как Некрасову, так и общим вопросам теории литературы. В понимании общих аспектов и принципов поэтики Некрасова мы принимаем концепцию «ролевой лирики» Б.О. Кормана⁹, а также представления об особом автобиографическом устройстве некрасовской поэзии, развернутые в работах Л.Я. Гинзбург¹⁰ и В.В. Гиппиуса¹¹. Понимание общей связи литературы и аксиологии, характерного для русской литературы XIX века соединения нравственного и эстетического начал мы черпаем из взвешенных, лишенных агрессивной идеологичности работ В.Е. Хализева¹².

В понимании самого «устройства» аксиологической системы, структуры нравственных ценностей, определяющей характер идеи нравственного самосовершенствования, мы опираемся, в первую очередь, на работу М.С. Макеева¹³, в которой, перерабатывая, с одной стороны, концепции «дискурсивных формаций» Мишеля Фуко¹⁴, с другой – проблематику

⁹ *Корман Б.О.* Указ. изд.

¹⁰ *Гинзбург Л.Я.* О лирике. М., 1997.

¹¹ *Гиппиус В.В.* Некрасов в истории русской поэзии XIX века. // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966.

¹² *Хализев В.Е.* Ценностные ориентации русской классики. М., 2005.

¹³ *Макеев М.С.* Спор о человеке в русской литературе 60-70 гг. XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. М., 1999.

¹⁴ *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

«социологии знания», как она представлена в трудах К. Манхейма¹⁵, автор предложил модель, согласно которой присущий человеку образ мира и человека строится на ограниченном наборе базовых ценностных положений или принципов, установление правильных, логических связей между которыми и устранение возникающих на этом пути противоречий и составляет основу работы мышления, желающего создать непротиворечивую картину мира.

Это позволяет нам реконструировать некрасовскую аксиологию не как систему ясных пропозиций, но как «проблемное поле», в котором базовые ценности складываются в разные логические смысловые конфигурации, заставляющие центральную идею самосовершенствования принимать новые смыслы и значения. В этом, в первую очередь, заключается **научная новизна** настоящего диссертационного исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проблематика пути самосовершенствования играет в творчестве Некрасова важную роль, представляя собой его центральный смыслообразующий элемент.

2. Некрасов усвоил от Белинского его единомышленников не только ту «революционную» систему моральных ценностей, основанную на радикальном отрицании общественно-политической «действительности», которая сложилась у великого критика и его круга на последнем этапе идейной эволюции (на котором Некрасов и присоединился к этому кругу, став своего рода учеником Белинского), но и те этапы, через которые Белинский и его единомышленники прошли.

3. Эти этапы основаны на разных способах отношения к действительности и соответственно на разных представлениях о требуемом для человека, желающего обрести смысл жизни, прожить жизнь, стоящую проживания, пути самосовершенствования: «шеллингианский» (позиция незаинтересованного художника, созерцающего мир с эпическим спокойствием и равно приемлющего все его явления), «фихтеанский» (путь эскапизма, погружения в

¹⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

свой внутренний мир, абстрагирования от социальной действительности), «гегельянский» (разумное принятие наличной действительности, примирения с нею как с «разумной» и даже в случае ее несовершенства представляющей собой закономерный и неизбежный этап в осуществлении абсолютной гармонии) и «революционный» (основанный на радикальном неприятии действительности как несправедливой и нуждающейся в безотлагательном и тотальном переустройстве).

4. Если для Белинского первые три типа отношения к действительности располагаются в диахронии как пройденные, пережитые этапы, каждый из которых был отброшен, поглощен следующим, воспринимаясь как ложный, связанный с заблуждением, то в случае Некрасова все эти типы не теряли своей силы и значения на протяжении всего его творческого пути.

5. В поэзии Некрасова изображен еще один, пятый, тип отношения к действительности. Это позиция человека развитого и благородного, гуманного, способного видеть зло в мире и не желающего с этим злом мириться, принимающего до некоторой степени разные способы ухода от этого зла, разные способы борьбы исправления этого зла.

6. В своих «народных» произведениях Некрасов создает то же проблемное поле с теми же проблемами. При этом эти проблемы могут решаться сходным образом, а могут иначе, могут быть столь же настоятельно требовать разрешения, а могут оказаться незначимыми, нерелевантными. Вопросы, не поддающиеся решению в сложном и противоречивом мире образованного человека, могут находить легкие решения в простом и ясном народном мире.

7. Эта гомология между «интеллигентским» и «народным» нравственными универсумами придает целостность художественному миру Некрасова, основанному на единстве базовых ценностей, единстве нравственных проблем, с которыми сталкивается любой человек на пути своего самосовершенствования.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования определяется системным подходом к анализу полного корпуса

некрасовских поэтических текстов, использованием апробированных и традиционных литературоведческих методов, опорой на авторитетные научные концепции поэтики Некрасова и литературной аксиологии.

Теоретическая ценность диссертации заключается в том, что в работе предлагается оригинальный подход к пониманию и изучению литературной аксиологии.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что результаты работы могут быть использованы как в общих курсах истории русской литературы второй половины XIX века, так и в специальных курсах по истории русской поэзии, по литературной аксиологии, а также жизни и творчеству Н.А. Некрасова.

Апробация работы. Основные результаты проведенного исследования отражены в пяти опубликованных автором статьях (список которых представлен в конце автореферата), а также в докладе на десятой Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: общество, власть, культура» (Удмуртский государственный университет, Ижевск, 6—7 декабря 2022 г.).

Работа прошла апробацию на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова при защите НКР и предзащите диссертации.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Общий объем диссертационной работы составил 133 страницы. Библиография состоит из 113 названий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обсуждается актуальность поднятых в исследовании вопросов, обозначаются объект и предмет исследования, ставятся его цели и задачи, объясняются методологические основания; анализируется степень

изученности темы; формулируются основные положения, выносимые на защиту; представляются сведения об апробации, теоретической и практической значимости, структуре исследования.

Первая глава диссертационного исследования, «**Эволюция философско-этических взглядов Белинского и его круга**», посвящена реконструкции системы этико-философских взглядов круга либеральных западников - и прежде всего Белинского - в их эволюции. Здесь определяется тот интеллектуально-нравственный «багаж», который достался Некрасову по наследству от своего наставника, багаж, который он будет творчески перерабатывать на протяжении всего творческого пути.

Духовное развитие Белинского непосредственно связано с кругом Станкевича. Отправной точкой для философских поисков для Белинского и Станкевича и других членов интеллектуального сообщества стала философия **Шеллинга**, точнее, тот ее этап, который ознаменовался «Системой трансцендентального идеализма» и «Философией искусства». Во многом, однако, это оказалось данью моде, шеллинговская философия не давала ответа на поставленные Станкевичем и юным Белинским вопросы или, точнее, давала ответы неудовлетворительные. Как хорошо известно, для Шеллинга искусство не просто значило много, но стояло на вершине всех возможных способов познания мира, соединяя в себе чувственное и рациональное начала. Искусство представляло собой, с точки зрения Шеллинга, единственно возможный синтез: «Искусство есть для философа наивысшее...»¹⁶ Искусство, к которому применимы концепции Шеллинга, фактически отказывалось от какой-либо учительной роли и в конечном счете могло привести к аморализму, к поэтизации зла.

Таким образом, шеллингианская философия оказалась своего рода соблазном, который действовал недолго и был вскоре отброшен Станкевичем, Белинским и новыми и старыми членами сообщества под влиянием Бакунина, познакомившего своих соратников с философией **Фихте**. Эта философия

¹⁶ Шеллинг Ф.В.И. Сочинения в: 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 484.

требовала самосовершенствования через своеобразное отречение от внешнего, через углубление в собственный внутренний мир, в котором нужно обрести высший идеал – всечеловеческую идеальную любовь.

Только после того, как фихтеанское самосовершенствование оказалось абсолютно психологически непригодным, в поле зрения Белинского и его единомышленников входит философия Гегеля.

Гегелевская философия существенно меняла положение вещей и ставила перед своими адептами новые задачи. Если следование философии Фихте было психологически трудным для Белинского, поскольку его учение требовало абстрагирования от «действительности», задевающей на каждом шагу, болезненно действующей в прошлом и настоящем, и углубления в задачу достижения своей собственной идеи, то гегелевское учение считало такое абстрагирование признаком дефектной, не развитой, не осуществившей свои задачи личности. Однако и бунт против действительности, недовольство ею Гегель считал признаком незрелого «юношеского» сознания. Такая концепция, при которой самосовершенствование заключалось в постепенном признании законности любого существующего режима как стадии в развитии Абсолюта и осознании своего и своих собратьев униженного, бесправного, безнадежного в нем положения как имеющего значение в свете поступательного осуществления гармонии, которая будет достигнута при воцарении Абсолюта, также оказалась для Белинского, долго упорствовавшего в ней, психологически неприемлемой.

В итоге Белинский приходит к преклонению перед идеями Просвещения и Великой Французской революции через чтение речей Робеспьера, многотомную историю Французской революции Тьера¹⁷, затем трудов Луи Блана¹⁸ и П.Ж. Прудона¹⁹. В этой концепции приоритет отдается необходимости создания справедливо и гармонично устроенного общества, основанного на принципах свободы, равенства и братства. Путь

¹⁷ Тьер Л.А. История Французской революции в 3-х т. М., 2016.

¹⁸ Blanc L. Histoire de Dix Ans, 1830-1840. Nabu Press, 2012.

¹⁹ Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998.

самосовершенствования теперь, во-первых, должен был вести человека мыслящего и способного к ненависти и презрению к современному обществу и государству (особенно бесчеловечной николаевской России с ее крепостным правом, бездушной бюрократией, презрением к личности и ее потребностям) и готовности бороться с ними для обеспечения возможности создания идеального мироустройства. Другое направление самосовершенствования – избавление, достижение духовной, нравственной свободы уже сейчас. Современное общество опирается на институты традиционные, освященные обычаями, и при этом в большинстве своем устаревшие, не соответствующие подлинным человеческим потребностям, не способствующие подлинно человеческой жизни.

Прочность этих обветшавших институтов основывается, по Белинскому, не только на силе, так сказать, штыков, стоящей на их страже репрессивной машины деспотического государства, враждебного всему человеческому, но и на силе того, что называется предрассудками, устаревшими представлениями и верованиями. Причина такой прочности предрассудков в невежестве, в отсутствии просвещения. Задача самосовершенствования в таком случае заключается для благородного человека в избавлении самого себя от этих предрассудков, которые неизбежно присутствуют в нем самом под влиянием общества, в котором он вырос, обретении здорового, свободного и гуманного взгляда на вещи. Оружием этого самосовершенствования неизбежно становится собственно чтение и понимание философских книг, занятие науками и одновременно воспитание своего характера таким образом, чтобы следовать истинным жизненным принципам и в тех случаях, когда большинство окружающих людей, опасное своим количеством и опорой на силу репрессий или общего мнения, считает эти принципы греховными или преступными.

Цель самосовершенствования – превращение в свободного, гуманного, мыслящего человека, независимого от общественного мнения, руководствующегося не только в своих мыслях, но и в своих поступках теми

принципами, к которым он приходит благодаря знаниям. Одновременно на таком достигшем совершенства человеке лежит обязанность способствовать освобождению (не только физическому, но и духовному освобождению) своих братьев. Такая миссия в том числе возлагается на искусство в целом и литературу в частности. Никакое чистое и спокойное созерцание, незаинтересованное описание действительности больше не приветствуется. Задачей литературы становится способствовать освобождению человека, указывая ему на зло и несправедливость, творящиеся в окружающем его мире, воспитывая нетерпимость к этому злу и указывая на идеалы, которым порядочный мыслящий человек должен стремиться.

Именно такую систему ценностей начинающий тогда литератор в целом усвоил от своего наставника. Как пишет М.С. Макеев, Белинский «заполнил идейный вакуум», существовавший в сознании талантливое фельетониста и автора водевилей, начинающего литературного предпринимателя²⁰. Одновременно он принял и представление о пути, интеллектуальном и психологическом, который привел Белинского к его конечной системе убеждений.

В этом случае те концепции, через которые Белинский прошел и которые им были отброшены как непригодные, не имеющие философского и человеческого смысла, существовавшие для критика и его круга единомышленников, прошедших с ним этот путь, в диахронии, для Некрасова должны были оставаться в синхронии как альтернативные концепции, слабость которых по сравнению с окончательно принятой не очевидна, а психологическая непригодность не прошла проверку практической жизнью.

Мы таким образом выделяем четыре возможных пути самосовершенствования: 1) шеллингианский путь свободного художника, возвышающегося в своем искусстве над мирозданием в качестве его своего рода царя и повелителя; 2) фихтеанский – путь ведущий к погружению в свой внутренний мир и стремление абстрагироваться от мира внешнего; 3)

²⁰ Макеев М.С. Николай Некрасов. М., 2017.

гегелевский путь приспособления и примирения с действительностью через осознание ее «разумности» и 4) путь освобождения от действительности с помощью мысли и просвещения, воспитания своего характера и разума и в конечном счете формирования человека, способствующего освобождению своих братьев.

Вторая глава диссертационного исследования, **«Проблема самосовершенствования в этической системе образованного человека в поэзии Некрасова»** посвящена тому, как в эпических, лирических и лироэпических жанрах изображается процесс духовных нравственных поисков образованного человека, представителя разночинной интеллигенции и мыслящей части русского дворянства, или даже аристократии, то есть представителя той группы, к которой принадлежали осознававшие себя авангардом российского прогресса и просвещения Белинский и его единомышленники.

В первом параграфе освещается **«Социальное зло как предмет изображения в поэзии Некрасова»**. Изображение социального зла в поэзии Некрасова присутствует с самого начала его «подлинного» творческого пути. Таким злом является крепостное право, изображенное в стихотворении «Родина», рекрутчина, зло проявляется в положении падшей женщины, зло может принимать обличье финансовых махинаций. Осознание творящегося в мире зла и несправедливости может подтолкнуть мыслящего и благородного человека к изменению своей позиции по отношению к миру и к самому себе.

Второй параграф назван **«“Шеллинговская” объективность как морально недостойный способ отношения к царящему в мире злу в поэзии Некрасова»**. Можно видеть целый ряд стихотворений, относящихся к самым разным периодам некрасовского творчества, написанных так сказать, в «шеллинговском» духе спокойного созерцания, равнодушного к добру и злу. Это такие стихотворения, как «В дороге», «На улице» (особенно «Вор»), «В деревне», «Путешественник», «Утро» и т. д. Проведенный анализ выявляет, что такое спокойное созерцание занимает на удивление много места в поэзии

Некрасова. Лирический герой его часто предстает в образе ставшего в последнее время благодаря обновленному интересу к работам Вальтера Беньямина «фланера»²¹ — любопытного праздного человека, прогуливающегося по улицам и ищущего забавные, мрачные, выразительные, курьезные случаи для своих очерков или стихов. Такое равнодушное или спокойное принятие творящегося зла должно компенсироваться, преобразоваться в высокое эстетическое достижение. Спокойствие, оставляющее жертву ее мучителям, не желающее и не способное помочь гибнущему добру, вступить в борьбу с торжествующим злом, есть цена за особую, гениальную художественность. Одновременно такая позиция вызывает у поэта глубокие моральные сомнения. В результате человек, как показывает Некрасов, утрачивая возможность возвыситься над окружающей действительностью, приобретает ее пороки. Это может стать началом омертвления души, превращения некогда благородного человека в заурядного обывателя (портреты таких персонажей имеются, например, в «Медвежьей охоте» или в поэме «Недавнее время»). Крайней нижней точкой такой траектории может стать поэтизация зла, готовность смаковать пороки, физическое уродство, наслаждаться видом чужого несчастья. Другая опасность, кроющаяся в такой позиции, — полное отчуждение от общества, равнодушие к страданиям своих братьев, которое, означаящее отчуждение от себя самого, отказ от именно тех чувств и страстей, которые в наибольшей степени обеспечивают самореализацию человека, способны привести его к совершенной жизни: любви, сострадания, жалости, ощущение братства со всем человечеством.

Третий параграф назван «Невозможность «фихтеанского» эскапизма, самосовершенствования, ухода от социальной несправедливости во внутренний мир в поэзии Некрасова». Присутствует у Некрасова и также на самых разных этапах его развития то, что мы назвали «фихтеанским» способом отношения к дефектности окружающего мира. Такой «фихтеанский» эскапизм

²¹ См. Беньямин В. Бодлер. М., 2023.

вполне может быть для поэта органичной реакцией на столкновение с травмирующей действительностью, насыщенной жестокостью и страданием. Это путь эскапистский, путь отвержения действительности как в определенном смысле иллюзорной, не имеющей значения для развития и самосовершенствования человека. В работе показано, что окончательно такой путь взаимодействия с действительностью и такой герметичный путь к самосовершенствованию Некрасов не принимает. Самосовершенствование «фихтеанского типа», внутреннее развитие собственной души оказывается возможным только частично, до поры до времени, до того момента, когда либо рефлексия, либо сама жестокая социальная реальность выведет человека из герметичного «младенческого» состояния. Иллюзорен не окружающий мир, а способность человека жить и развиваться так, как будто общества и самой действительности не существует, как будто можно не жить его интересами, не испытывать его влияния. Более того, без перехода к жизни, к действительности не может осуществиться процесс самосовершенствования полностью, как братство и любовь не могут существовать и не имеют попросту смысла в качестве «чистой идеи», без реальных «братьев-мужиков», без реальной возлюбленной, реального друга.

Четвертый параграф — «“Гегелевское” принятие действительности как путь к нравственной деградации в поэзии Некрасова» — посвящен «гегелевскому» философскому принятию действительности как необходимой и разумной хотя бы в качестве этапа движения к всеобщей гармонии, также присутствующему в некрасовской поэзии. Для Некрасова такой тип ассоциировался с тем, что называлось либеральной бюрократией, группой чиновников, пришедших на государственную службу с целью улучшения жизни людей в государстве изнутри, используя возможности существующей государственной власти для реформирования общественных институтов. Это предполагает наличие в душе человека высших идеалов и стремлений, сформировавшихся под влиянием коснувшегося их Просвещения. Носитель такого типа нравственности — человек с совестью, которая подсказывает ему,

что бывают моменты, когда надо сотрудничать с властью, если она дает возможность работать на благо страны и народа.

Результаты, «добрые плоды», которые принесет сделанное дело, если не полностью оправдывают, то смягчают те компромиссы, на которые приходится идти, те «недоделки», на которые приходится соглашаться ради того, чтобы сделать хотя бы что-нибудь, хотя бы немного увеличить количество общественного блага, уменьшить человеческие страдания.

Тем не менее и другая сторона либеральной бюрократии и такого жизненного пути Некрасову ясна. Опасность, поджидающая человека, идущего в государственные органы под либеральными лозунгами, заключается в том, что эти лозунги могут превратиться просто в средство сделать карьеру, уловив временные настроения власти, кратковременную моду на либерализм. Тогда в ходе своего развития такой человек превращается не в «работника» на благо свободы и просвещения, но во «фразера», а его либеральные речи становятся не просто болтовней, но чем-то крайне вредным для успеха того дела, которое они проповедают.

Пятый параграф посвящен «революционному» отношению к действительности как пути нравственного развития в поэзии Некрасова. Это отношение основано на абсолютном неприятии действительности. Человек, основывающий свое отношение с действительностью на таком принципе, выдвигает к ней радикальные требования полного и немедленного преобразования ее в соответствии с теми же идеалами, которые находятся в душе представителей первых трех типов. Такое отношение к миру зла ведет и к самому радикальному, даже, можно сказать, экстремистскому способу и пути самовоспитания и самосовершенствования.

Это может быть путь, прямо ведущий к революционному подвигу, жертвованию собой: он вызывает восхищение Некрасова, а образ революционера, жертвующего собой ради счастья ближних и в этом находящего высшую цель всякого самосовершенствования, находится на вершине иерархии человеческих типов, присутствующей в его поэзии.

Это преодоление действительности может проявляться в менее трагических формах. В поэзии Некрасова мы встречаем идею преодоления предрассудков, освобождения от тяжких оков традиций, мертвых обычаев, которыми общество опутывает человека, закрывая ему путь к свободе и самовыражению. Это проявляется, конечно, в первую очередь, в тематике любви и брака, которые предстают в поэзии Некрасова опутанными предрассудками, от которых необходимо освободиться для обретения подлинного чувства.

Шестой параграф назван «**Человек чистого сердца и больной совести. Исповедь как путь очищения и самосовершенствования в поэзии Некрасова**». Здесь описан еще один, промежуточный тип отношения к миру, не предусмотренный философскими взглядами Белинского. Это позиция человека развитого и благородного, гуманного, способного видеть зло в мире и не желающего с этим злом мириться, принимающего разные способы ухода от этого зла, разные способы борьбы с ним. Одновременно этот человек не ощущает в себе сил для того, чтобы в своей собственной жизни выбрать такой путь и идти по нему до неизбежной скорой гибели.

Обращает также на себя внимание антитеза, появляющаяся в произведениях о человеке сороковых годов: «грязной» действительности и «чистого сердца» и высоких помыслов «идеалиста». Этот случай важно отличать от «фихтеанского» идеализма – саморазвития, происходящего в отрыве от действительности: здесь мы видим сложное взаимодействие с действительностью, предполагающее не абстрагирование от нее и не «гегелевское» принятие ее в нынешнем виде хотя бы как неизбежного зла, но постоянное ее созерцание, способность постоянно испытывать боль не только от собственного несовершенства, но и от несовершенства окружающего мира. До некоторой степени тем самым такой человек берет на себя «грехи» этого общества, становится страдающей фигурой, напоминающей Христа или подвижника, скорбящего над падшим человечеством и своими мучениями пытающегося выкупить для него возможность воскресения. Само страдание,

таким образом, становится своеобразной заменой любого вида самосовершенствования.

Способом самооправдания и представления бездеятельности как о том, что не мешает нравственному совершенствованию, становится представление о ценности искренности, способности быть откровенным, признаваться в своих пороках, в том числе и в страхе перед сильным поступком, боязни ответственности и возможной кары за такой поступок. Исповедь не является актом эксгибиционизма, она связана с раскаянием, без которого невозможно прощение. Это и делает исповедь, акт признания своей «вины», центральной, если можно так выразиться, моральной практикой в лирике Некрасова 60-70-х годов.

У героя есть шансы на «спасение» и прощение. Той инстанцией, которая наделена правом такого прощения, становится народ, одновременно «чуждый» лире поэта и близкий ему самому по своему духовному складу, по пониманию того, что есть подлинная нравственность, какие пути ведут к нравственному совершенству.

Третья глава, «Нравственный мир простого народа», посвящена проблематике самосовершенствования человека из народа, представителя другого мира, иного нравственного универсума. Отмечается самостоятельность Некрасова в подходе к этой теме: для Белинского интерес к простонародью и его мировоззрению имел на протяжении его интеллектуального пути скорее периферийное значение. До конца жизни Белинский полагал, что высшей задачей, стоявшей перед русской культурой, является вхождение в мировую (то есть, в первую очередь, европейскую) культуру. Достичь этого можно было, по мнению критика, только с помощью распространения образованности европейского типа среди максимально широких слоев нации. И у Некрасова проблемы крестьян часто понимаются как следствие их непросвещенности, однако в своем понимании народа поэт идет дальше своего «учителя».

Изображаемый Некрасовым народный мир и народный характер отличается от мира образованного человека целым рядом «параметров». Едва ли не

наиболее важный из них – простота и ясность моральных принципов и суждений, незамутненное отношение и к словам, и к делам, и к соотношению между словами и делами. Грех народ всегда назовет грехом, а добродетель — добродетелью. Путь нравственного совершенствования человека из народа Некрасову удастся показать как основанный на простом моральном решении, спровоцированном сильным нравственным потрясением, избежав при этом лишнего, затемняющего суть дело психологизма.

Подобная простота, конечно, недостижима для лирического героя Некрасова и других героев его поэзии, принадлежащих к образованным сословиям. Созерцание зла у образованного человека может вести к самым разным реакциям и к разным способам самозащиты, защиты своего душевного покоя. В этом смысле можно говорить об идеализации народного мира в поэзии Некрасова. Мир народа можно помыслить даже как своего рода предмет «зависти» поэта, человека, принадлежащего к миру существенно более морально сложному и противоречивому. Народ не читает Гегеля или Шеллинга, для того чтобы понять свое место в мире и свое предназначение, но он и совершенно не нуждается в таком чтении.

Тем не менее, народная нравственность не чужда определенной сложности, она тоже образует свое проблемное поле и, как нам представляется, этим в большей степени интересна Некрасову, чем своей простотой и «идеальностью». Основная проблема связана с разрывом между двумя типами морали, присущими народному сознанию, народному миру одновременно.

Некрасов во многом следует за Белинским в понимании крайне негативного отношения крестьянства к православному духовенству. При этом он не разделял уверенности своего наставника в том, что русский мужик – прирожденный атеист. Некрасов не раз изображает народную религиозность, народную веру как некий пережиток, результат невежества, выливающийся в нелепые и вредные суеверия. От народных суеверий поэт, однако, отличает народную веру, к которой он готов отнести «серьезно» и даже сочувственно, как к глубокому и подлинному духовно-нравственному опыту, формирующему

подлинно христианские ценности: высочайшие требования любви к ближнему, самопожертвования в пользу ближнего, отказа от материальных целей и стремлений, стремления стяжания Царства Божия, уважение и сочувствие к бедности.

С другой стороны, для народа не менее важна практическая мораль, обеспечивающая существование крестьянства как сословия, как образа жизни, как опоры экономики государства. В основе ее нечто противоположное – в качестве основной цели ставится достижение довольства, сытости, благополучия для себя и своей семьи, своего потомства через честный труд на земле.

Возникает очевидное противоречие между моралью «небесной» и «земной», гомологичное присутствующему в сознании самого поэта противоречию между высокими идеалами, и благородными способами их достижения и привязанностью к «действительной», практической жизни с ее существенно менее возвышенными целями и стремлениями. В народном сознании это противоречие находит пусть и не простое, но разрешение: работая ради земных благ, человек все равно находится, так сказать, в поле действия христианской морали, живущей в его душе в роли своего рода наблюдателя, арбитра, готового в трагический момент превратиться в беспощадного судью или милостивого утешителя. Работая для земных благ, нельзя забывать о благах небесных, нельзя переходить границу, за которой человек уже вступает в непримиримый конфликт с христианскими идеалами.

Размышляя о народе в его отношениях с героем-революционером, обращаясь к исследованию народного характера, Некрасов обнаруживает в системе народной морали идею «мира», аналогичную или очень близкую просветительской идее Братства. Это «мирское» чувство рождает или само является порождением еще одной ценности, которую мужик неосознанно разделяет с революционным интеллигентом, – любви к свободе.

Не только чувство «мира» порождает в народе любовь к свободе, умение ценить свободу и требовать ее. Еще одно чувство также ведет крестьянина к

тому, чтобы стать бунтарем. Это уже упоминавшаяся любовь. Она не только способна избавить крестьянина от предрассудков, она же вызывает в душе человека из народа требование свободы. В конечном счете и само просвещение некрасовские крестьяне могут представить не как продукт барской праздности, но как полезное дело, служащее их же, крестьян, освобождению и счастью.

Народ так же чувствует усталость и боль, как и господа, так же болезненно переживает утрату любимых и близких (примером служит поведение Дарьи в поэме «Мороз, Красный нос»). Как мы видели, не менее болезненно народ может переживать и несправедливость. Как и господа, человек из народа тоже может быть склонен к эскапизму, к уходу от действительности в иной мир, мир внутренний и иллюзорный. Таким прибежищем становится пьянство или народная фантазия, мифотворчество («Мороз, Красный нос»). Так же, как и в мире людей образованных, эскапизм, уход от действительности в мир мечты, грез, идеалов, опьянения не может быть прочным и окончательным. И здесь действительность неизбежно его разрушает.

В отличие от интеллигента, у народа нет «гегелевского» разумного приятия действительности. Точнее, тот, кто сознательно принимает действительность, законом которой является унижение и бесправие, — это дворовые, холопы, вызывающие у настоящих крестьян-хлебопашцев, тружеников только презрение.

До некоторой степени возможен у народа и эстетический, «шеллингианский» способ отношения к миру, к действительности. Крестьянин способен видеть красоту этого мира, так сказать, как таковую, однако народный «эстетизм» никогда не становится любованием «чистым искусством». За ним всегда стоит здоровое, дельное, можно сказать, «дидактическое» или прагматическое отношение к миру и в том числе к его красоте. Соблазна «эпического спокойствия», незаинтересованности чистого художника, гения, равно приемлющего добро и зло, пользу и вред, в народном мире не существует.

Таким образом, нравственный универсум народа, с одной стороны, резко отличается по своим общим чертам от системы ценностей образованного человека, с другой – во многом ей гомологичен. Изображая народ, Некрасов не создает ни своего идеализированного антипода, ни своего замаскированного двойника.

В народе Некрасов создает то же проблемное поле со теми же проблемами. При этом эти проблемы могут решаться сходным образом, а могут иначе, могут быть столь же настоятельно требовать разрешения, а могут оказаться незначимыми, нерелевантными. Вопросы, не поддающиеся решению в сложном и противоречивом мире образованного человека, могут находить легкие решения в простом и ясном народном мире. Именно в этом смысле можно и нужно утверждать, что, изображая народ, говоря о народном мире и его нравственных ценностях, Некрасов действительно рассуждает и о самом себе, о природе нравственных ценностей вообще, об истинном пути самосовершенствования человека, о том, к чему должен вести этот путь.

Эта гомология придает единство и органичность всему художественному миру Некрасова, в котором разнообразные персонажи, обладающие разным интеллектуальным багажом, разным социальным статусом, разным уровнем образования, живущие в разных мирах, говорящие на разных социолектах, одновременно представляют собой единство человечества. Это единство создается общностью для всех нравственных вопросов, универсальной необходимостью занять сознательную этическую позицию по отношению к несовершенной действительности, избрать путь самосовершенствования.

Всех их на этом пути поджидают сходные соблазны и опасности, некоторые из которых преодолимы, некоторые – нет. Но для всех сохраняется избрать тот единственный путь, который ведет человека к подлинно совершенной жизни, жизни, посвященной высоким идеалам, жизни при свете нравственных ценностей, «тесный», трудный путь.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования, делаются основные выводы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. *Вэй Синьи*. Как отличить пьяного от голодного? (К интерпретации стихотворения Н.А. Некрасова «Филантроп») // *Litera*. – 2022. – № 6. С. 75-83. ИФ РИНЦ - 0,202

2. *Вэй Синьи*. Крестьянская реформа 1861 года в поэме Н.А. Некрасова «Коробейники» // *Litera*. – 2022. – № 7. - С. 10-18. ИФ РИНЦ - 0,202.

3. *Вэй Синьи*. Использование ценностного метода в литературоведческих исследованиях (к интерпретации творчества Н.А. Некрасова в аксиологическом аспекте) // *Litera*. – 2022. – № 8. - С. 14 - 23. ИФ РИНЦ - 0,202.

4. *Вэй Синьи*. Мир детства в поэзии Н.А. Некрасова // *Культура и цивилизация*. – 2022. – Т. 12. № 5А. – С. 610-623. ИФ РИНЦ - 0,186.

Публикации в других научных изданиях

5. *Вэй Синьи*. Самоубийство в свете аксиологии поэзии Н.А. Некрасова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2022. – Т. 15. - № 9. - С. 2781-2786.